

КРУГЛЫЙ СТОЛ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН И ЕГО ХОЗЯЙСТВО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется значение круглых столов для развития современной исторической науки. В качестве примера изучается состоявшийся в апреле 2014 г. Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война». Особое внимание уделено современным подходам, которые применяются разными учеными для анализа различных аспектов обсуждаемой темы.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская революция, крестьянство, крестьянское хозяйство, круглый стол, историография.

В современной отечественной историографии, допускающей возможность изложения и обсуждения различных точек зрения по актуальным темам, материалы круглых столов становятся ценным источником для определения отношения представителей экспертного сообщества к минувшим событиям и историческим явлениям. Их информационная значимость заключается в том, что осуществляемые и затем публикуемые, в том числе и в авторской редакции, выступления позволяют не только выявить аргументацию и выдвигаемые тезисы, но и сопоставить их с мнениями и выводами других ученых, а в отдельных случаях проследить саму динамику состоявшейся дискуссии. В этом смысле они качественно отличаются от материалов историографических дискуссий, проходивших в рамках советской исторической науки применительно к любым темам. Их желаемый официальными организационно-административными структурами характер был четко определен, в частности, в докладе академика С.Л. Тихвинского на состоявшемся 11 марта 1985 г. годичном собрании Отделения истории Академии

наук СССР. Оценивая перспективы и значение историографических дискуссий, он отмечал: «Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная сторона дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за “круглыми столами”, на ученых советах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам»¹.

Представленная в данном докладе рекомендация определять тематику историографических дискуссий с учетом наличия готовых решений определенных проблем относилась, прежде всего, к тем историческим периодам, которые признавались наиболее важными с точки зрения усвоения обществом научных и одновременно идеологических знаний. Одним из таких периодов, безусловно, являлся период Первой мировой войны. После обусловленного стремлением выйти за рамки догматических положений сталинского периода создания под председательством А.Л. Сидорова научного совета по комплексной проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» данный период стал рассматриваться как своего рода интродукция к революционным событиям 1917 г. Поскольку сами события войны обычно рассматривались во второстепенном ключе, основное внимание исследователей уделялось вопросам экономического и политического развития страны, начиная с конца 1890-х гг. и заканчивая несколькими месяцами деятельности Временного правительства. В частности, особое внимание уделялось изучению вопросов отношений между правящими политическими структурами, а также представлявшими их руководителями, и созданными крупными промышленными предприятиями, обеспечивавшими основной хозяйственный потенциал страны в индустриальной сфере. В результате сложилась концепция того, что в итоге этих отношений сформированный на основе политической системы «военно-феодальный империализм» объединился с практикой развития монополистического капитализма, что во многом определило специфику развития России накануне и в период Первой мировой войны в той его части, которая предшествовала событиям октября 1917 г. Данная концепция была впервые представлена в первой половине 1960-х гг.² и затем за счет фактографической и источниковедческой детализации господствовала до самого конца существования советской исторической науки³.

Одним из наиболее значительных достижений постсоветской историографии российской истории стало творческое восприятие современных подходов к практике исследований в сфере социальных и гуманитарных наук. В лучших по качеству историографических источниках фундаментальная информационная и методическая база вошла в сочетание с методологическими достижениями XX в., что привело к появлению значительных исследований как широкомасштабных⁴, так и более компактных⁵ по хронологическому и проблемно-тематическому охвату исторических периодов. Данная тенденция оказалась особенно ощутимой применительно к периоду начала XX в., в отношении которого в советской историографии практически все выявленные профессиональными историками фактические данные были встроены в жесткие теоретические рамки.

В 2014 г. позитивные методологические сдвиги в развитии исторических исследований ярко проявились применительно к изучению и осмыслению событий Первой мировой войны, а также их социального, экономического и политического контекста. Их можно было выявить в различных по жанру научных публикациях – монографиях, научно-справочных изданиях, статьях (в частности, опубликованных в журнале РГГУ «Новый исторический вестник»⁶), материалах историографических дискуссий. Одной из заметных, представляющих большой интерес публикаций стали изданные тем же «Новым историческим вестником» материалы Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война»⁷.

Первой значимой чертой данного историографического источника является то, что представленное в нем обсуждение основывалось на учете и использовании методологических подходов и концепций, ранее редко применявшихся для изучения событий Первой мировой войны и сопутствовавших им социальных и экономических факторов. Подчеркнув обоснованность многих, неоднократно использовавшихся в отечественной историографии положений очерка В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»⁸, организаторы круглого стола предложили рассмотреть когнитивные возможности цивилизационного подхода для обсуждения избранной тематики. Для обоснования его применения было, в частности, отмечено, что данный подход получил активное развитие именно в последние четыре десятилетия, предшествовавшие началу Первой мировой войны, когда философы и историки ощущали фундаментальные сдвиги в развитии европейского политического пространства. Особенно четко данная тенденция прослеживалась в работах О. Шпенглера, который внес

определяющий вклад в раскрытие и применение цивилизационного подхода, прежде всего в сфере выявления и характеристики культурно-исторической типологии различных народов.

Формулируя в соответствии с положениями данного подхода комплекс проблем для обсуждения на круглом столе, один из его организаторов С.Ю. Разин, в частности, подчеркнул: «В этом контексте следует обратить внимание на то, что Первая мировая война – это противоборство империй двух разных типов: индустриальных, колониальных, морских империй и традиционалистских, идеократических, континентальных империй. Первая мировая война – это глобальное столкновение Модерна и Традиции, Мирового Города и Мировой Деревни, которое завершилось победой Модерна ... и кризисом Модерна, поражением Традиции, ускоренными модернизациями в странах не-Запада с одновременной ретрадиционализацией. Первая мировая – это событие, которое привело к крушению прогрессистских иллюзий, характерных для европейской интеллектуальной элиты Нового времени»⁹.

Из историографических концепций, которые достаточно редко использовались применительно к изучению событий российской истории начала XX в. и многим другим историческим явлениям, в рамках круглого стола примечательным стало обращение к концепции «земли и власти». Созданная еще в первой половине XVIII в. В.Н. Татищевым для концептуального анализа обстоятельств происхождения и начального развития древнерусского государства, она позволяет проследить факторы формирования отношения крестьян к проявляющимся интересам и осуществляемым действиям политической элиты государства. В частности, в середине 1990-х гг. данную концепцию с большим практическим эффектом применил И.Я. Фроянов в своей монографии¹⁰, посвященной предпосылкам, сущности и последствиям революционных событий октября 1917 г. Он, в отличие практически от всех участников историографических дискуссий 1990 – первой половины 2010-х гг., давал негативную оценку мероприятиям столыпинской аграрной реформы по разрушению общинного устройства аграрной системы России, полагая, что они ликвидировали стабильность «крестьянского мира».

Участник круглого стола В.В. Безгин, исходя из противоположной оценки значения и степени изначальной прогрессивности аграрных преобразований П.А. Столыпина, подчеркнул, что именно сохранение общины привело в годы Первой мировой войны к победе интересов «земли» над интересами «власти», предопределив неудачное для России окончание военных действий. Обосновывая свою точку зрения, он, в частности, говорил о том, что «в условиях

слабости центральной власти и фактического безвластия на местах община взяла инициативу в свои руки, приступив к осуществлению вековой крестьянской утопии – ликвидации помещичьего землевладения. Масса крестьян – дезертиров, хлынувшая в родные села, боясь опоздать к разделу вожделенной земли, придала радикализм этому процессу... Думаю, что в этот период итог войны был уже предрешен. “Власть земли” для крестьянина оказалась ближе и сильнее, чем геополитические интересы страны»¹¹.

Среди магистральных и весьма актуальных для современных историографических дискуссий, посвященных различным периодам российской истории, тем и одной из наиболее важных на круглом столе стала тема распространения патриотических настроений в среде российского крестьянства и в целом населения страны в период Первой мировой войны. Обсуждение данной темы приобрело комплексный характер, прямо или косвенно коснувшись вопросов организации крестьянского хозяйства и нараставших по ходу движения к последующим революционным событиям земельных переделов, практики дезертирства со стороны крестьян, отношения солдат крестьянского происхождения к военному делу. В ходе дискуссии был использован широкий круг статистических источников, что особенно проявилось применительно к поволжским и заволжским губерниям, а также приводились данные из источников личного происхождения (преимущественно писем солдат с фронта). Содержание докладов, сделанных участниками круглого стола, свелось в целом к тому, что солдаты-крестьяне постоянно размышляли о состоянии хозяйства и экономическом положении своих семей, вследствие чего патриотическое отношение к участию в военных действиях существенно сузилось по мере движения к осени 1917 г.

При этом большинство участников круглого стола согласилось с неоднократно обосновывавшимся ранее в отечественной и зарубежной историографии тезисом о том, что немалую роль в нарастании критического отношения представителей крестьянства к органам государственной власти сыграли ошибки представителей политического руководства страны. Среди них исследователи в частности, отмечали сохранение во многих регионах малоземелья для большей части крестьян и достаточно крупных поместных владений, нерешительность и непоследовательность деятельности Временного правительства, незавершенность начатых под влиянием первой российской революции аграрных преобразований.

Достаточно оригинальный, с точки зрения предшествующей историографической традиции, «ошибочный» аспект в государ-

ственной политике выявил в своем выступлении И.А. Анфертьев, уделивший особое внимание вопросам комплектования армии. Сравнивая политику российского и противостоявшего ему германского руководства в данной области, он пришел к следующему наблюдению: «Наш главный противник – Германия – у себя тут же отменила все льготы и отсрочки по призыву, мобилизационный ресурс начал незамедлительно пополняться свежими силами, как молодыми, так и среднего возраста мужчинами, что позволяло в перспективе компенсировать фронтовые потери. А Россия... упустила в этом отношении свой шанс: в военное время льготы продолжали существовать на законодательном уровне как и раньше, в мирный период»¹².

Достаточно обстоятельным в рамках круглого стола оказалось обсуждение вопроса о специфике сознания и мировоззрения («сверхсознания») крестьян в условиях Первой мировой войны. Следует подчеркнуть, что в течение длительного времени в мировой историографии анализ психологических факторов исторического процесса имел достаточно умозрительный характер, основываясь преимущественно на гипотезах и в гораздо меньшей степени на материале документальных источников. Наибольших успехов в данной сфере научных исследований добились авторы, обращавшиеся к изучению средневекового периода, поскольку его культурные особенности задавали мышлению достаточно жестко очерченную и подчас даже канонизированную систему координат. Поэтому, как хорошо известно, особенно подробно в литературе по проблемам социальной психологии и культурной антропологии выявлены и проанализированы интеллектуальные характеристики традиционного общества с их провиденциализмом и патриархальностью.

Участники рассматриваемой дискуссии, поставив в ее ходе ряд теоретических проблем (например, соотношение границ массового и крестьянского сознания), пришли в целом к однозначному выводу о том, что события Первой мировой войны вызвали очевидные дестабилизирующие сдвиги в представлениях крестьян об окружающей их исторической действительности. Характеризуя их содержание, А.В. Гордон пришел к выводу о том, что в условиях военных действий «в крестьянском сознании происходят какие-то потрясающие сдвиги, в результате которых крестьянину сложно вернуться к житейской обыденности... Это сознание цикличное, сознание, которое связано с обращением к устоявшемуся порядку вещей, которое исходит свыше и снизу, от земли и т. д. Если крестьянин становится революционером, то ему назад дороги нет»¹³.

Одним из заметных деструктивных процессов в трансформации сознания и поведения крестьян, произошедших под влиянием событий Первой мировой войны и продолжавшегося в ее условиях решения земельного вопроса, участники круглого стола называли складывавшиеся между деревенскими жителями социально-психологические противоречия. При этом речь шла не только об известных и неоднократно акцентировавшихся в советской историографии тенденциях и проявлениях социального расслоения, но также о конфликтах между жителями разных деревень; между возвращавшимися в родные места участниками военных действий и теми крестьянами, которые участвовали до их возвращения в разделе земли. Тем самым участниками дискуссии прослеживалась четкая связь между тенденциями развития крестьянства в последние дореволюционные и первые послереволюционные годы, а исходя из наличия такой связи, отмечалось очевидное различие между объединением крестьян в условиях Отечественной войны 1812 г. и их разъединением в условиях Первой мировой войны. Данное различие, прослеживающееся на конкретном фактическом материале, является очевидным опровержением тезиса о генетической «соборности» и единении крестьян вокруг общих ценностей даже в рамках внешней социальной напряженности. В частности, об этом говорил в своем выступлении В.В. Шелохаев, сделавший применительно к данной проблеме следующий вывод: «В историографии продолжает существовать мнение, что Первая мировая война якобы способствовала возврату крестьянства к традиционным ценностям. Мне кажется, что это явное преувеличение, ибо возвратных элементов к исходной довоенной точке быть не может. Война явилась, на мой взгляд, переломным рубежом в массовом сознании всех без исключения социальных страт, включая и российское крестьянство»¹⁴.

Таким образом, материалы круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война», организованного Российским обществом историков-архивистов при участии ИГУМОиИТ, РГГУ и журнала «Новый исторический вестник» в рамках реализуемого с 2009 г. научного проекта «Народ и власть. История России и ее фальсификации»¹⁵, свидетельствуют о возможности применения к изучению актуальных научных проблем междисциплинарных исследовательских подходов. Также значительный и позитивный эффект дает сочетание обобщающих размышлений с конкретными фактическими данными, которые могут быть почерпнуты исследователями из документальных собраний региональных архивов. Именно благодаря такому синтезу преодолеваются концептуаль-

ная заданность и чрезмерная абстрактность историографических дискуссий, которые способны увести от выдвижения значимых и обоснованных выводов.

Примечания

- 1 *Тихвинский С.Л.* Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 12.
- 2 Об особенностях империализма в России: Сб. статей. М., 1963.
- 3 *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.
- 4 *Миронов Б.Н.* Социальная история России: XVIII – начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2.
- 5 *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2005.
- 6 *Астахов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 29–41; *Агапов В.Л.* «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Там же. 2012. № 1 (31). С. 33–47; *Он же.* «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915–1916 гг.) // Там же. № 2 (32). С. 20–36; *Астахов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // Там же. № 4 (34). С. 6–18; *Сенин А.С.* Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Там же. 2013. № 4 (38). С. 99–123.
- 7 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.
- 8 *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма: Популярный очерк // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 27. С. 299–426.
- 9 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Указ. соч. С. 13–14.
- 10 *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого: Глядя из настоящего. СПб., 1997.
- 11 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Указ. соч. С. 59.
- 12 Там же. С. 65–66.
- 13 Там же. С. 18–19.
- 14 Там же. С. 87.
- 15 *Ревин И.А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 56–66.